

На вечере современной поэзии звучат стихи. Авторы в расцвете сил – 30-40-летние мужчины и женщины. Стихи читают с экранов мобильных телефонов. Произведения наполнены иноязычной лексикой («галактический флэшмоб», «интроверт открывает файлы»), философскими наблюдениями и смелыми сравнениями («воют в лесах поезда-собаки»). Многие стихи без рифмы, связаны лишь ритмом и аллитерацией.

Зрителей в зале немного, слушают почтительно, уважая «ученость» авторов. Правда, ничего общего в современной поэзии с тем, что «проходят в школе» из Пушкина и Лермонтова, нет. Потому чем дальше, тем более в зале сгущается атмосфера неловкости – зрителям все-таки неясно: действительно ли перед ними выступают непризнанные таланты?!.. Или...

Авторы, конечно, чувствуют отсутствие душевной слитности с аудиторией. Одни стремятся покорить сердца слушателей, добавляя в декламацию энергии, другие пускаются в самоиронию, третьи скоморошничают. Поэты пытаются сократить дистанцию, разделяющую новые смыслы и старые «коды».

Зрелище выходит мучительное. Но обе стороны терпят, внутренне оправдываясь тем, что «Душа обязана трудиться /И день и ночь, и день и ночь!» (Николай Заболоцкий). Современная культура это вам «не вздохи на скамейке!» Не какие-то там ясные смыслы, вроде «Гордым легче – гордые не плачут/Ни от ран, ни от душевной боли, /На чужих дорогах не маячат, /О любви, как нищие, не молят» (Людмила Татьяничева). Хочешь не отстать от века? Пиши про айфон, офис и фейсбук... Хотя во времена Пушкина и Заболоцкого Россия

была гораздо ближе к «лидерам прогресса», чем ныне.

Наконец двухчасовое действие подходит к концу. В завершение вечера выступает девушка-дебютантка. Первый выход на сцену, два стихотворения. Одно явно подражательное поэтическим модам, второе – собственные переживания о любви. И, о чудо! Девушка опускает телефон-шпаргалку – она помнит стихи наизусть!.. Со зрителей мгновенно слетает флер вежливой скуки.

После вечера спрашиваю дебютантку: какие поэты ей нравятся? Звучат имена тех, кто назначен гениями в либеральных изданиях. «А русские классики?» Девушка краснеет. «Я боюсь показаться банальной...» – «И все-таки?» – «Есенин», – она произносит это имя еле слышно, робко, видимо, ожидая «порицания» за свою привязанность. «Но можете ли вы представить, чтобы Сергей Есенин читал по бумажке «Отговорила роща золотая...» или «Не жалею, не зову, не плачу...»? Когда великие стихи рождаются в душе, слова сами летят к поэту, навсегда запечатлеваясь в сердце! Строки, написанные с большим чувством, снова и снова возвращаются к автору. Разве высота состояния не диктует форму и содержание?!..»

«Язык сограждан стал мне как чужой, /В своей стране я словно иностранец», – писал в 1924-м году Сергей Есенин в «Руси советской». Как видим, «Русь антисоветская» его тоже отторгает – в среде «прогрессивных поэтов» стыдно признаваться в любви к русскому гению. Гибельная спираль! Мы переживаем трагедию разрушения русской культуры.

Но зачем приходят (или — вернее — приходи-ли) слушатели на литературные вечера? Чтобы пережить вместе с поэтом головокружительную высоту, на которой рождается стихотворение, испытать восторг сопричастности. Увидеть чудо и его творца. Любой меломан может послушать Чайковского или Рахманинова в записи. Но чудо «живой музыки», рождающейся на твоих глазах, ничто не может заменить, потому на концертах классической музыки полные залы.

А музыка родного слова? Теперь она почти недоступна «вживую»!

И люди не жалеют о потере. Мы похожи на рабов, родившихся в неволе и не имеющих понятия о свободе.

«Современная поэзия» очень часто — это эссе, рассказ, «поток сознания», социология или культурология, записанная в «столбик». Она лишена самого главного — состояния духовной высоты, на которую поднимается автор. И чувственное оскудение современного человека столь катастрофично, что он даже не замечает подмены. Не видят этого и сами поэты. Выронили есенинский завет! «Отдам всю душу октябрю и маю, /Но только лиры милой не отдам». И дальше — с каким горьким мужеством, с какой верой и правом сказано! «Я не отдам ее в чужие руки, /Ни матери, ни другу, ни жене. Лишь только мне она свои вверяла звуки /И песни нежные лишь только пела мне».

Нет, такие стихи поэт никогда не забудет! Потому они и живут до сих пор, что живыми родились в живом сердце!

Чувственное оскудение человека очень выгодно для нынешних управителей земной жизни. Все чаще раздаются голоса, что Земля перенаселена, что грядет эпоха роботов, что с избытком «лишних людей» нужно что-то делать. Умерщвлению тел по новейшим теориям должно предшество-

вать умерщвление душ, и тогда сверхчеловеки будут с полным правом распоряжаться судьбой недочеловеков. Поскольку людей, превратившихся в «биороботов» («массу»), рациональней заменить обычными роботами — меньше хлопот и дешевле обслуживание.

Обеднение чувственного мира происходит и через видеообраз, который навязывается извне — «транслятором». Участие самого человека в восприятии телевизионной «Анны Карениной» (в отличие от чтения романа) мизерно. Хотя здесь еще возможны «тормоза» — остаточные школьные знания. Но видеообразы давно уже вышли из-под опеки литературы — целая галерея зомби, инопланетных существ, супергероев — рождена Голливудом и правит духовным миром западной цивилизации (и России в том числе).

Нет, я не про то, что «нужно развивать отечественное кино». (Это все равно, что покупать лыжи парализованному.) Стержень русской культуры — слово, а его вершина — поэзия. Чувства наполняют слова. Слова наполняют чувства. Неуважение к языку — неуважение к народу. Но народы в грядущем царстве технологий — не нужны. Во всяком случае, участия россиян на этом празднике «постжизни» не запланировано.

Слово — язык — народ. Если этот стержень ломается, то с людьми надломленными, отчужденными, можно делать все что угодно. Веник, разобранный на прутики, не метет. Дело времени и технологии — перемолоть индивидуальности на прах, не обращая внимания на вскрики о «правах человека».

Обесчувственное, мертвое слово всегда мстит человеку за преданный дар. Лживое слово убивает, искажая пафос. Пропаганда бесполезна — она «косметология трупа». Пропаганда нужна там, где правят мумии. Правда о самих себе для них невыносима. Духовно мертвые люди всегда опираются на догму, на пропаганду, на видеообраз, на пиар, и никогда — на живую жизнь и народ.

Огромное количество ученых-гуманитариев, филологов, философов, публицистов, журналистов, преподавателей, пропагандистов, идеологов, пиарщиков питаются идеями и образами, рожденными на свет великими поэтами. Диссертациями и книгами, созданными на «материале» Пушкина, можно заполнить целую комнату от пола до потолка. Но собери авторов этого добра вместе, и выяснится, что ученый коллектив, даже с помощью многодневного мозгового штурма (или – вариант – христианского поста), не сможет написать такую безделицу, как «Буря мглою небо кроет...» или совершенно простые стихи, вроде «Я вас любил...»

Но в глубине души носители филологической мертвечины, пропагандистских клише, журналистской бойкости, преподавательского интеллектуализма, конечно же, считают себя выше и умней поэтов. Иначе производители «бумажного шума» (а теперь и интернетного) не брались бы с такой легкостью судить о том, о чем они, в сущности, часто не имеют никакого понятия, – о художественном слове, о месте и назначении поэтов в духовной жизни народа. То, что эти суждения есть и они именно такого, претенциозно-безграмотного качества, мы видим по нынешнему отношению в России к слову, к русскому языку, к русской литературе, к русской песне. И тут проблема не в том, что «виноват Путин», или виноват министр культуры, или министр образования, или «виноват Эрнст», или Роспечать (хотя, конечно, к каждому из названных ведомств или персоналий можно предъявить конкретные претензии). Все гораздо глубже – мертвое или лукаво-лживое слово есть следствие определенного нравственного выбора. Часто рядящегося в «одежды» целесообразности, позитивизма и расчета.

В юности я любила Паустовского, его повести о писателях – «Разливы рек», «Золотую розу». Эти художественные очерки подтолкнули и придвинули к пробам пера, к размышлительности, к

романтической мечтательности многих юных читателей. Но почему же так называемые «эксперты», которые якобы любят литературу, пишут о ней мертвым слогом?! Требования стиля? Но, во-первых, не инопланетяне же нам их установили; а, во-вторых, получается, что в самом начале пути каждый начинающий филолог должен пройти инициацию предательством? Отречься от живого слова. Для чего?!

Нет, если б я читала всяких «ученых», я бы точно литературу возненавидела. Но я читала Виктора Лихоносова, Юрия Бондарева, Есенина, Бальзака, Стендаля, Диккенса. И мне не нужны были толкования критиков или литературоведов – большой художник все сам о себе расскажет. Надо только уметь читать! Большой художник восхищает богатством замысла и воплощения – как величественный собор, который ты никогда не построишь, даже в своих мечтах.

Поэты рождаются у народа и учатся у поэтов, природы и народа, а не возрастают на чтении диссертаций или сборниках научных трудов. Будущий филолог, готовя свою квалификационную работу, должен стремиться к «объективности», т.е. убивать в себе самое главное – вкус к слову. А поэт? «Он доверчиво глянет вокруг. /Запыляет от дум голова. /Белой стаею выпустит вдруг /Из хозяйских ладоней слова» (Валентин Сорокин). Но эту доверчивую стаю «Можно вырастить лишь самому!» Не в чужих книжках вычитать и процитировать, а пережить и переплавить в собственном сердце.

Но что есть наш «нравственный выбор» в слове? Почему читатели, а ученые-гуманитарии, преподаватели-филологи, критики и литературоведы, обозреватели культурной хроники в медиа – это «профессиональные читатели», готовы поклоняться и служить «мумии» – словесной мертвечи-

не? Откуда это покорность? Что за метаморфоза происходит в их душе? Как происходит этот «отказ» — от художественности, то есть от любви к человеку, к миру, жизни в широком смысле этого слова? Отказ от народа, потому что служение «мумиям» — это переход в корпоративное сообщество, объединенное отстраненностью от всего самобытного. И — присяга надуманному, чужому.

В мире мертвой учености, да, тоже кипит «борьба» — каждый лагерь бьется за свой мавзолей, за возможность толкования «мертвечины». И чем больше заумы в «покойнике», тем лучше — больше простора для интерпретаций.

Но красота не нуждается в комментариях — она узнаваема с первого взгляда.

Да и как возможен «филологический объективизм», т.е. кастрированная «умеренность и аккуратность», во взгляде на художественное слово? Ведь язык, по Далю, это народ. Значит, для «объективности» надо убить в себе любовь к нему?

Удивительное дело: великую страну, империю, народ российский построил еще до Пушкина! На гигантском пространстве сумели наши предки организовать и устроить жизнь. Вот что значит язык, живое, свободное слово! Оно звучало в колыбельной песне, в молитве, в царском указе, в сказке, в былине. И Пушкин явился — наш духовный властитель, повелитель русского слова. «Как ныне собирается вещей Олег /Отмстить неразумным хазарам...»

А что сейчас?!.. Где дух свободы? Где воля самого непокорного в мире народа?! Как же мы так «зашнуровали» себя, что у нас свобода в слове — это гогот на эстраде, цензура в книге, ложь политиков, вранье пропагандистов? А где красота? Где бесстрашие? Где сила слова, соединяющая души? На что она потрачена? И почему все ушло?!

Запад — мир технологической мертвечины, против которого бьется мусульманский Восток. Запад с его «ученостью», с Кантом и Гегелем, с «умершим Богом», с нацизмом, с торжеством толерант-

ности, с однополыми браками и с полной потерей пассионарности.

Но разве не Запад — наш идеал? Образец для подражания? Место, где нашим «мессиям» выдают дорожные карты, ярлык на княжение: марксизм, социал-дарвинизм. Оттуда же — филологические концепции, моды, поклонение нобелевским лауреатам, полная потеря самобытности.

Народ-то предали ученые-«объективисты»!.. Русскую деревню, чьими соками издавна питалось государство. Согласились, смирились с уничтожением села. Ради чужих идей, чужих слов, обещанного чужими людьми «дохода».

Но разве древо жизни долго простоит, если корни его подрублены или отравлены мертвой водой?!..

«В миг, когда и я теряю силы, /Если рядом нету никого, /Я касаюсь мысленно могилы /Прадеда и деда моего».

Это одно поэтическое состояние. А вот совсем другое:

«Здравствуй, ветер, крылато летящий, От космической звездной межи, /Это ты наполняешь горящей, /Храброй силою парус души!...»

Это стихи Валентина Сорокина. Для доктора филологических наук, бывшего ректора литинститута Сергея Есина он «обычный советский поэт», а для меня — поэт великий. И я это почувствовала безо всякой науки, еще школьницей открыв одну из его лирических книг.

Поэзия ничему не учит, ничего не воспитывает. Это не «курсы патриотизма» и не уроки «православной культуры». (Как будто информированность о чем-то может заменить живое чувство!)

Поэзия входит в душу глубоко и подчиняет твое бытие закону красоты. Ты уже не сможешь жить по-другому! Мир поэта — иной, не похожий на обыденный. И он, если ты видишь хотя бы кра-

ешек этого волшебного сада, избавляет тебя от самоуверенности. Ты начинаешь относиться к слову иначе.

Дети, школьники, с большим трудом пишут сочинения. Не только потому, что их «не научили», или у них нет начитанности, или «не знают работ литературоведов»(!). У нормального ребенка всегда есть робость перед словом, иногда — благоговенная. Русское слово — как штормящее море, трудно в нем плыть.

Для детей многие слова еще живые. Школьники не научились лгать — писать им тяжело, особенно в «наукообразном» стиле. Если ты читал прозу Гоголя, знаешь наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Некрасова, Блока, Маяковского — конечно, ты испытываешь робость перед листом бумаги. Зачем писать и что можно написать, когда уже созданы такие шедевры?! Совесть — прекрасное чувство.

Но настоящий поэт уже в детстве знает, что он — поэт. И если он поэт большой, то на свою вершину все равно поднимется. Вопреки всему!

Зато для нашей «ученой» братии, для остепененных оценщиков поэзии, одинаково шедевральны и Есенин («И меня твои лебяжьи руки /Обвивали, словно два крыла»), и Пастернак («Скрещенья рук, скрещенья ног, /Судьбы скрещенья»). Более того, «секс в офисе» просвещенная филология будет приветствовать с большим энтузиазмом, чем счастливую тайну любви. Потому что привычка или пристрастие мертвого слова закрывает дорогу в мир настоящего поэта, к высоте его духовных состояний. И распахивает другую дверь — к национальному предательству и утрате самобытности.

Что первично: человек или слово? Как вернуть народу энергию жизни? Как наполнить «храброй силою парус души»?

Наш народ пережил страшные потрясения за

последние сто лет. Ужас ужасов: война, развал страны, Гражданская война, коллективизация, индустриализация, голод, репрессии, опять война, разруха, гонка вооружений, опять война (Афганистан), снова развал страны, шоковая терапия, война в Чечне, деиндустриализация, олигархизация, оптимизация, снова война (Украина, Сирия)...

Что это за путь такой? Куда нас ведут?! И почему в общественном сознании вопрос сей не осмыслен? Он-то главный! «Люди слова» должны ответить своему народу. И не в форме обществоведческой скуки, «экспертного мнения», а на самой высокой эмоциональной высоте, прочувствовав страдания и боли времени.

Вещий Боян — вот наша традиция! Русский поэт, особенно в эпохи замяти, смуты — всегда полководец. И он должен провести народ свой через новые испытания — мириады мертвых слов, филологических окаменелостей, телевизионных пошлостей, политических предательств. Через потоки, реки, водопады лжи, врачую и оживляя окверненное слово.

Да будет так!

Сергей Есенин:

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смысла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами

Ее немая крепь!

С иными именами

Встает иная степь. ■

февраль 2017 г.